ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

12

2006

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вид могучего красавца, сиднем сидящего в роли охранника городских Сурских бань, навел автора на рассказ о семье упорного и хозяйственного хуторянина Каргина.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
КАРГИНЫ

Охранников нынче развелось — счета нет. В черной форме, в зеленой форме, в пятнистой, в беретах, в пилотках, в высоких шнурованных ботинках. Сначала они появились в банках да в серьезных конторах, теперь же кругом охрана: в детском саду, на почте, в школе, больнице и, конечно же, в старинной городской нашей бане, на улице Сурской.

Заходишь туда, он сидит — крепкий молодой человек, при форме. Попаришься и помоешься, выйдешь, присядешь отдохнуть на диван. Порою он встанет, пройдется — и снова на покой.

Особенно мне нравился один из них — могучий богатырь, в два метра ростом, с чистым румяным лицом — охрана надежная, и поглядеть приятно. Порою он помогал буфетчикам, таская ящики с пивом на второй этаж. Как пушинки поднимет разом два ящика, поставит на плечи — и пошел. Для него это — игрушка. И разминка.

Человек молодой, здоровый, и целый день сиднем сиди. А этот и вовсе богатырь.

Обычно глядел я на него, любуясь и сочувствуя. Глядел-глядел, и вдруг вспомнил свое летнее: поселок да хутор. Об этом рассказ или просто быль.

В день воскресный в поселке в теплую пору грех на базар не сходить. Это дело — святое. Людей повидать, новостями разжиться.

Отправился. Ходил да бродил по просторному торгу. Овощные ряды да молочные. Рдяные помидорные груды, огурчики, охапки зеленого стрельчатого лука да пахучего укропа. Зелени, слава богу, хватает. Молоко: кислое, пресное, откидное, каймак. Конечно, рыба. Но главное — свой народ: поселковый да хуторской.

Уже на выходе увидел я старого Каргина. Он, как всегда, веники продает, свое изделье: просяные, мягкие — для дома; а двор мести — прутяные, жесткие, из сибирька, какой в Задонье растет по низинам да балкам. Старый Каргин всю жизнь прожил на хуторе, много работал; теперь он на пенсии, на покое, в поселке, но без дела сидеть не может, вот и занимается вениками. И копейка не лишняя, и не привык сложа руки сидеть.

Остановился возле него.

— Здорово живете?

— Слава богу… А вы как?

— Тоже не жалимся.

Слово за слово, обычные разговоры. Но напоследок старый Каргин вздыхает:

— Что-то сынок мой не едет и не звонит. Беспокоюсь. С этим хутором… — вздыхает он горько. В светлых стариковских глазах печаль. — Тем более один остался. Разве можно там одному… Я бы помог, да не в силах.

Беспокойство его мне понятно. Во-первых, конечно, младший Каргин хоть и взрослый человек, но — сын. Да еще живет в последнее время как-то врастопырку: летом они вместе, всей семьею, на хуторе, а когда в школе учеба начинается, жена с детьми сюда уезжает, в поселок; и тогда хозяин остается один при немалом хуторском хозяйстве. Мыкается туда да сюда. Прошлым летом и вовсе. Жена да сын устроились на работу в поселке. Одному справиться трудно. Да еще есть на нем грех всем известный. Потому старик и горюет.

Они похожи: отец и сын. Оба — рослые, костистые, жилистые. Лицом смуглые. А вот глаза у них — будто вовсе с другого лица: большие, синие, словно проталины на суровом мужском лике.

Вот и сейчас старый Каргин глядит на меня, в глазах недоуменье и боль. Чем помочь ему? Говорю обычное:

— Может, с машиной чего. А телефон — сами знаете: то столб упал, то провод оборвался. Одно слово — хутор.

— Хутор, хутор… — подтверждает старый Каргин, принимая мое нехитрое утешенье.

На том и закончили разговор. Подался я к дому, вздыхая да охая. Старых всегда жалко.

А ведь младшего Каргина я видел совсем недавно. Гостевал на хуторе, возвращался с речки, а Каргин кашеварил на своем дворе. На вольном огне костра он варил какое-то хлебово. Я свернул поздороваться. Давно уж не виделись.

Он изменился: похудел, лицом обрезался, крючковатый нос торчит в черной щетине — ни дать ни взять карга.

— Ты чего на костре кашеваришь? — удивился я.

— С дымком слаже, — посмеялся Каргин и объяснил: — Газ кончился. Все баллоны пустые. И некогда съездить привезть. Все — в одни руки, прямо на разрыв, — пожаловался он. — Рыбы надо поймать. Это — ночь. А утром коров доить, прогнать в стадо. Молоко тоже не кинешь, его надо в дело произвесть: перепустить на сепараторе, вскипятить да заквасить. Куры, гуси, поросята гогочут да юзжат, жрать хотят. Кошки и те мяучат. И рыба с ночи лежит, ее надо посолить. А огород?.. Он хоть и не гавчет, но просит рук. Копай, сажай, пропалывай, поливай. И все — в одного, на разрыв. Ты ведь слыхал, наверное, чего моя женушка

удумала? Стала городской. Доумилась! Наотруб от хутора. Как от берега веслом отпихнулась. Устроилась в поселке, при конторе. Сидит там как врытая, — по-детски жаловался он, а глаза светили печалью, — сюда — ни ногой и сынов не пускает.

Жалко мужика. Помочь ему нечем, хоть послушать, пусть выговорится. Присел я на чурбак, внимая нехитрой повести.

Тихий зеленый двор, летняя теплынь, клокочет в котле пахучее варево. Высокое небо, речная вода недалеко, пресный дух ее слышен; поодаль — приречные холмы да увалы, а меж ними — просторный луг. Птичий переклик, пересвист да щебет, далекое кукованье. Рай земной…

— Ты нашу жизню видишь. Особенно летом. С утра до ночи как на точиле. А без этого как? От чего живем? От земли, от скотины, от птицы. Дом в поселке, он — не с неба упал. Он — отсюда. Старался, дурак, чтобы дети — при настоящей школе и чтобы не по чужим углам, а в своем доме. И себе — к старости. Но это — в старости! А ныне-то мы еще — в силах! Надо пахать и пахать: скотина, птица, огород, сады… Чесноку одного насажал полгектара. Он — в цене, тот год я его килограмм пятьсот продал. В магазины сдавал по двадцать, по тридцать рублей. Я для него еще земли припахал. Но его надо вырастить. Теперь — самая работа. А она все кинула. Она и раньше не больно старалась: там присядет да там приляжет. То жарко ей, то пыльно, то не с кем поговорить. Веришь?! Тоже — беда. Поговорить не с кем! А чего говорить, когда надо работать! Трудиться надо! Самая пора… А ее лишь успевай подгонять. А теперь ей вовсе курорт: в конторе день отсидит с разговорами — и домой, на диван. Там ни поместья, ни скотины нет. Ни комарей, ни мошки, ни пыли… Глаза — в телевизор, и все дела. И сынов настроила против. Старший пришел из армии: могутной, ему ломить да ломить, как борозденому быку. А он — в охранники, на почту. Сиди день-деньской да в носу ковыряйся… Не диво ли! — всплеснул Каргин руками, а в светлых глазах — изумленье и боль. — Меня посади на стулец, я часу не просижу. Сразу все заболит. А они вроде родились с этой стулой. И говорят: мы работаем, нам некогда к тебе приезжать. А я — на разрыв. Туда-сюда кинулся, а руки одни. Потому и костер, и казан, чтобы доразу всех накормить: собак, и кошек, и себя. За газом некогда сбегать. А она теперь — на диване, довольная, сериалы глядит…

Посидел я, послушал, от горячего хлебова отказался.

А во дворе у приятеля, где гостевал я, затеялся давний спор: кто прав, кто виноват…

— Башкой надо варить, — сурово постановил мой приятель, — а не поваживать. Меньше харчей возить. Каждую

неделю везет и везет. Мясо, рыбу, сметану, молоко, картошку-моркошку — весь ассортимент. У машины аж рессоры лопаются. Сам Карга на балык высох, а на Каржихе уже шкура не сходится, аж трещит. Неделю бы, другую устроил им пост. И прижмут хвост. Враз бы на хуторе оказались, и Маня, и сынок преподобный, охранник…

— Маня мне лично сказала, — перебила своего супруга хозяйка. — Пусть не возит! Корки буду глодать, а сюда не приеду. И детей не пущу. Только в поселке. Никакого хутора.

— Тоже он сам виноват, башкой надо варить, кидать наперед, — не сдавался товарищ мой. — Кто дом в поселке построил? Сам Карга. Мебель купил, хвалился: диван и кресла мягкие, телевизор японский. Вот они теперь в мягких креслах телевизор глядят, а он день и ночь пашет, как карла. Нечего было строить. Здесь бы жили и никуда не делись.

А у хозяйки было иное мненье:

— Молодец, что построил! Об детях думал, об жизни. И правильно, что Маня уехала. Она пока не старая, устроилась на работу, для пенсии стаж идет. И сыну пусть не сразу, но хорошую работу подыщут. И женят, найдут невесту. Потому что у нас и людей уже нет, одни козы, скоро не говорить будем, а мекекекать. А младший сынишка у них способный, Маня хвалилась, учится хорошо. Вот и будут как люди жить…

— А мы не живем как люди? — Вопрос вроде спокойный, раздумчивый, но после него — взрыв:

— Нет! Не живем!! В навозе копаемся, как жуки! Из коровьего катуха — в свиной! От свиней — к курам! Из дерьма — в дерьмо! Все вокруг — дураки! Только мы — умные. Разве одна лишь Маня уехала? Тоня Калинкина где? Раз в месяц своего проведывает?

— А Калинкин сказал, что останется. Не уедет.

— Куда он денется? Кум Павло тоже гоношился, когда Фрося уехала. Побичевал полгода — и на побег потянул, да еще рысью. А Калинкины уже скотину всю продали, двенадцать голов. Коровенку оставили. Он тягает ее за титьки, матерится. К осени надоест — увеется.

Это был давний спор: жить на хуторе или уезжать; хорошо здесь или плохо.

— Тем более — Каргины, — не остывала супруга моего приятеля. — Батя такой, и он. Оглашенные. Все мало и мало. Еще припахал, говорит, для капусты в падинке, вода близочко. Маня аж плакала: «Руки не владают…» А он ей: «Молчи, дура. Ничего не понимаешь». А потом еще припахал, говорит, для тыквей. А потом…

— Для тыквей?.. — переспросил жену мой приятель,

ненадолго задумался и решил: — Это — хорошая идея. Надо и нам припахать для тыквей. Там, за картошкой, земля давно гуляет, — размышлял он, все более утверждаясь. — Припахать, пригородить, чтоб скотина не лезла. Пусть растут. Поливать их не надо. Лишь с весны поддержать. Корова хорошо тыкву ест. Свиньям тоже полезно, в сале будут мясные прожилки, — объяснил он. — Да и самим кабашная каша с пшеном. И запекать на противне. Правильно Карга сообразил. А то ездим, кланяемся, деньги платим, бензин жгем. То к Синицыну, то к Арчакову. А земля под боком гуляет… Это разве по-хозяйски? — вопрошал мой приятель.

Супруга не враз его поняла, думала, что шутит. Но поняв, взъярилась:

— Припаши! Пригороди! Насажай тыквей! А я эту городьбу поломаю. Не нужна мне твоя кабашная каша. Сам ее трескай! И сало твое не нужно с прожилками! Уеду! А ты оставайся! Припахивай, пригораживай, хоть весь хутор. Вон сколь земли гуляет! Умные люди давно уехали, а дураки все припахивают, пригораживают, пока не упадут. Старая Каржиха здесь и померла, посеред база. А вы Маню корите, она — тоже сердечница. Заболеешь, никто не поможет, в каменном веке живем. — Это уже ко мне обращение. — Федя умер от чего? Говорят: от сердца. Весь день на берегу лежал. А приехали к нему вовсе на другой день, он уж застыл. Скорая помощь… А Валя-татарка?.. Тоже два дня лежала. И тоже приехали, на третий день сказали, что от сердца. Мишка Бахчевник? От сердца. Отсюда не то что больного, мертвого не вывезешь. Максимовых свояк, городской гость, помер, тоже «от сердца», так его лишь на третий день увезли. И то спасибо — военные учения проходили, попросили военных, они его на танке до станицы везли, такая у нас дорога, а там уж машиной. Армянки-беженки сын… Тоже на третий день лишь приехали. И хоронить нельзя. А жарища стояла, как раз посеред лета. Он раздулся. Господи, Господи…

— А у тебя был инфаркт. — Это уже к супругу. — Плечо нудит… — передразнила его. — Чегой-то прямо стреляет в плечо.

— И вправду! — оживился хозяин. — Так и подохнешь! Плечо болело — прямо нет мочи. Я на него и пластырь перцовый, и песок горячий, как бывалоча. И Сашка ведь приезжал как раз. А диагноз не мог поставить.

Сашка — это местный фельдшер. В соседнем хуторе живет. При хорошей погоде наезжает, попутным транспортом, но чаще — на велосипеде.

— Пьянчуга твой Сашка. Какой из него лекарь.

— Это правильно, — со вздохом, но признает хозяин, делая

серьезный вывод: — Я считаю, что Сашка свою квалификацию окончательно потерял. Дисквалифицировался, — с расстановкой и удовольствием выговаривает он мудреное слово. — С козами да с курями… Инфаркт не мог распознать. Спиртом, говорит, растирай.

— Потому что пьянчуга, — твердила свое хозяйка.

— Переквалификация… — внушал ей супруг. — Вот я когда работал, то раз в два года обязательно проходил переквалификацию. Потому что…

Тут поехал долгий и обстоятельный рассказ вовсе об ином.

Все это — память прошлого лета: хуторское гостевание, потом поселок, воскресный базар, старый Каргин, его забота. Старых, как малых, — особенно жалко. Но чем помочь? Единственным: узнать, в чем дело. Хотя думалось мне о том же, о чем вздыхал старый Каргин. Был на его сыне грех. Нечасто, но случался загул.

С базара прямиком подался я к дому и сразу позвонил на хутор приятелю своему. Телефонная линия была исправна, и гостеприимный товарищ мой тут же пригласил меня на уху, которая еще не остыла, и на пирожки, которые жарятся.

— А чего?! — кричал он весело. — Садись на машину, как раз успеешь! Хорошие пирожки! С картошкой и луком! Да еще каймачком подмазанные! Аж шкворчат! Послухай! И понюхай! — Он на минуту смолк, чтобы я мог услышать шкворчанье горячих пирожков в каймачной белой остуде. — Ты все понял?

— Понял, понял, — ответил я и спросил о Каргине.

— Карга — в запуске! — так же весело ответил приятель мой. — Я его лично запустил, — горделиво разъяснил он. — Ты же знаешь, я — не алкаш, в одного пить не могу. А чего-то нос зачесался. А с кем у нас выпьешь? Из мужиков лишь бычок Рябчик, но он на попасе. Вот я Каргу и припряг. Он было брыкался: не хочу, не могу, скотина, хозяйство… Но я его сострунил. Сели, выпили. А у него же нет останову. Он и попер. Уже вторую неделю на орбите. Вот как я его запустил, по-серьезному.

Я молчал, не зная, что и сказать, а на другом конце провода приятель мой начал ругаться с женой, не опуская трубку, потом объяснил мне:

— Она же всех жалеет: и кошек, и собак, и пьяниц. А я считаю так: у каждого своя голова на плечах. Вот и соображай! Я ведь тоже с ним выпил. Вместе выпивали, закусывали хорошо. Но ведь я не загулял, а пошел скотину с попаса встречать. А Карга прямым ходом к Вахе-чечену, за пойлом. И про скотину забыл, и про свой огород. Гуляй, Вася! Значит, в башке ничего нет.

Приятель мой — мужик крепкий. Всегда он правильные слова говорит. Да я и сам пьяниц не больно привечаю.

Но здесь иное. Еще стояла перед глазами утренняя встреча со старым Каргиным. Хотелось помочь. И потому я сказал:

— Может, жене передать или сыну, чтобы поехали, приглядели?

— Бесполезно, — ответил товарищ мой. — Звонили. Жена сказала, им некогда, они на работе, и нехай все сохнет и дохнет, огород и скотина. Тогда, мол, Карга к дому прибьется, в поселок.

Так и вышло. Каргин уехал в поселок, осени не дождавшись. Оклемался, все разом понял и за неделю — скорей, скорей! — дешево продал скотину, трактор с косилкой, какие-то железяки: поливные трубы да баки. А подворье — дом, скотьи сараи, базы, погреб, посаженный огород — никому не навяжешь. «Земля не продается, — сказал умный чеченец-сосед. — И с собой ее не увезешь. Она нам и так достанется».

Это, конечно, верно. Но тем же годом, ранней осенью, приехав на хутор и возвращаясь из похода рыбацкого, проходил я мимо подворья Каргиных. И поневоле остановился.

Как быстро все изменилось! Зеленые конопля и дурнишник полонили двор, огород. Разваленный забор, зияющие дырами крыши сараев, ломаные ворота — все гляделось горестно. Вот тебе и «нам достанется». А что достанется?

Лишь вековечные груши — «дулины» — по-прежнему, будто печалясь, клонили главы свои над опустевшим двором.

Поглядел я, повздыхал — и подался к ночлегу. Потом уехал в поселок и в город на зимовку. На Новый год, поздравляя хуторского своего приятеля, узнал новость горькую: Каргиных схоронили. Сначала сын умер «от сердца», а следом за ним, через месяц, ушел и старый отец.

Начинал я рассказ с городской нашей бани, с могучего охранника-богатыря.

Какое-то время я хворал и не ходил париться, домашней ванной обходясь. А потом все же выбрался. Раз, и другой, и третий. А богатыря-охранника в бане не было видно. Дежурили другие, пожиже. В гардеробной спросил я: «А где же наш богатырь?» — «Уехал, в Германию. Женила его какая-то немка и увезла», — ответили мне.

Уехал… Ну что ж, охранников у нас нынче, слава богу, хватает. Один уехал — другого наняли. Продолжается жизнь, в том числе и банная.